

Книжное обозрение

© 2005 г.

Бурганов А. ФИЛОСОФИЯ И СОЦИОЛОГИЯ СОБСТВЕННОСТИ: РУССКИЕ И ТАТАРСКИЕ РЕАЛИИ. М.: РГГУ, 2004. 287 с.

Предмет исследования новой книги историка и философа А.Х. Бурганова одновременно тривиален и вечно нов. Ему посвящены сотни трудов и десятки дискуссий, но по-прежнему нет ответа на вечный фроммовский вопрос "Иметь или быть?" Как нет и четкого определения собственности. При всех разногласиях есть понимание того, как образовалась (образуется) собственность, как она подразделяется и используется, какие социальные следствия сопутствуют обладанию ею и т.д. - но *что* она представляет категориально (вещь? общественные отношения? основной инстинкт?) точно не определено. Вроде бы уже разрешен вопрос о том, как сам человек соотносится с собственностью: она может быть лишь *внележащей* по отношению к нему. А интеллектуальная собственность?

Книга ставит и вызывает столько вопросов, что уже одно это является несомненным ее достоинством, ибо стимулирует читательскую мысль и приглашает к дискуссии. Например, может ли автор научного труда быть эмоционально заряженным и вызывающе небеспристрастным? А.Х. Бурганов дает утвердительный ответ на этот вопрос собственной позицией. Его исследование полемично, многие пассажи книги носят характер критического разбора тезисов других авторов. Так, с Р.Ф. Абдеевым он ведет дискуссию относительно характера и роли внутренних противоречий и внешних условий существования социальных систем (с. 49-59), с С.С. Дзарасовым по проблеме пригодности современной социал-демократической стратегии для России (с. 115-137). При этом в дебаты вступает не ради прояснения частных или выявления неточностей - нет, полемика для него важное средство утверждения собственной концепции.

Далее. Может ли автор научного труда постоянно приглашать читателя к соперничеству и тем самым совершать "перелеты" от теоретических высей к повседневной земной реальности и наоборот? Да, может, утверждает А.Х. Бурганов и доказывает, что это делает исследование более "читабельным".

Как в первой, так и в других частях - "Собственность как социально-экономическая категория", "Отношения собственности в переходный период", "Гражданское общество в России как со-собственность граждан", среди прочих проблем рассматриваются зарождение и диалектика собственности, взаимосвязь собственности и труда, собственности и творчества, собственности и социального неравенства, приватизация как следствие "гайдариномики", вопросы земельной собственности в России и формирования частнособственнической психологии масс. Их анализ привлекает знанием материала и последовательностью выстраивания собственной концепции, суть которой заключается в придании частной собственности роли базы и движителя общечеловеческого развития. Тем и негоден, по мысли автора, марксизм, что он связал себя идеологически с отрицанием этой роли, а физически (политически) с классом, лишенным всякой собственности; этот класс воспринимался как воплощение социалистичности (борьбы за общественное благо), а на деле был лишен всякой социалистичности в силу своей маргинальности (с, 61).

Кому и чем интересно сейчас продолжение полуторавековой давности спора о собственности с традиционными инвективами и превознесениями? Вероятно, только нам - России, русским, и только тем, что мы переживаем сейчас очередной этап кардинального передела собственности. В этом споре А.Х. Бурганов излагает свои аргументы, которые, понятное дело, отвергаются коммунистами и теми, кто располагается еще левее их в современном спектре политических сил. И был бы этот спор почти схоластическим, если бы не два момента. Первый. Нерешенность вопроса о выходе страны из крайне опасного состояния неустойчивости социально-экономической политики и даже неполной проясненности вектора политического развития. Власть вроде бы стабилизировалась (точнее стабилизировала себя), а какое грядет для страны будущее (реальное, а не мифологизированное), не знают ни она, ни кто-либо еще. Второй. В споре о будущем участвуют не только коммунисты и либералы, в него втянуты другие политические и интеллектуальные силы (что доказывает его полемика с С.С. Дзарасовым).

По существу, автор развивает свой ответ на вопросы, поставленные им в более ранней работе "Откуда и куда идешь, Россия?" (1996): какая социальная система оптимальна для России; какие слои и группы могут обеспечить движение к этой системе и, следовательно, долговременную стабильность социального и политического развития; какой социальной стратегии должно придерживаться государство; как укрепить социальное сотрудничество этносов и регионов Российской Федерации?

Теория "народного капитализма" рассматривается в книге как императив для России (причем не только сегодняшней, но и - ретроспективно - для России периода нэпа). Изюм власти предрекающих тогда и сейчас это понимал, по мысли автора, только Ленин, «став на путь строительства общества "народного капитализма"» (с. 52). При всей недостаточности производимых общественных благ, чтобы удовлетворить потребности каждого, надлежащее государственное регулирование собственностью в принципе способно обеспечить ею всех и тем самым создать "бесклассовое (с точки зрения отношений собственности) состояние общества", в котором собственность делала бы людей одновременно независимыми индивидуалистами и патриотами-коллективистами. "Хозяин-работник - вот будущий гражданин общества" (с. 44).

Уникальная возможность создания такого общества, возникшая в постсоветской России, еще, возможно, не совсем исчезла, пишет автор, но сильно затруднена. Главное препятствие - негативная роль государства, а точнее бюрократии. Сам "народ собственников" естественным образом тяготеет к демократии, но "монополизация собственности - будь то в руках немногих граждан или государства - ведет к упразднению демократии" (с. 73). Российская бюрократия всех эпох, включая, естественно, советскую и постсоветскую, клеймится им на протяжении всей книги ("худшего класса история не знает" - с. 125).

Убежденность автора в том, что наделение собственностью всех граждан России не только возможно, но и является залогом ее будущего процветания, вызывает хорошую зависть, ибо в самом деле, несмотря на марксистское воспитание, мы все понимаем, что собственность - источник не только бед, но и благополучия. Другое дело: как, отрицая марксистский утопизм, не впасть в собственный? А.Х. Бурганов вынужден оговариваться и констатировать: процесс монополизации собственности естественен, он опирается на частный интерес, "беспредельную жажду наживы" (с. 48). "Вся сложность проблемы - в сочетании конкуренции с запретом на монополизацию" (с. 73). "Ставить на государство, и именно в наших условиях, как на силу, способную демократизироваться, смешно, если не сказать хуже" (с. 149). А как, вправе спросить читатель, ставить на "хозяина-работника", если в наших условиях он практически целиком зависит от государства? Или следует попытаться вслед за автором допустить, что "вдруг найдется" в среде государственной бюрократии "не совсем потерявший совесть деятель, да еще и с умом, который сумеет овладеть бюрократической стихией" (с. 230)?

Ни философия, ни социология собственности не подсказывают сегодняшней России пути выхода из кризисной ситуации, как не подсказывают этот путь философия и социология (добавим: и политология) власти. Никакие идеально-типические категории и схемы к России не подходят. Позволю себе привести еще одну, более пространную цитату из книги: "Социальная справедливость возможна в обществе, в котором национальное богатство принадлежит всему народу, а не бюрократии с олигархами. Но богатство должно принадлежать народу не обезличенно, как это декларировалось в советской Конституции, а индивидуализированно, когда каждый гражданин получает свою долю в нем. Тогда-то социальная справедливость станет образом жизни - мечта человечества воплотится в его повседневности, станет бытием явью... Превращение всех членов общества в пайщиков одного всеохватывающего кооператива или в акционеров соответствующих фирм (компаний) позволит приблизить к средствам производства не только рабочих и крестьян, но буквально всех" (с. 192, 194). К воплощению обрисованной картины в явь можно стремиться, в нее - при большом желании - можно верить, но воспринять рационалистически трудно. Даже если всю, без остатка, государственную собственность, причем оцененную реально (хотя по какой методе это сделать?), поделить между гражданами ваучерным, акционным или иным путем, все равно повторится опыт 1992-1993 годов и произойдет, в еще больших масштабах, то расслоение населения на собственников и не-собственников, которое порождает классовые антагонизмы с вытекающими из них последствиями.

Читая некоторые разделы книги, выносишь ощущение, что и сам автор не всегда верит в осуществимость своих благих пожеланий. Изюм всех видов собственности наиболее уважительно, пожалуй, даже трепетно, он относится к земле. И этот его пафос трудно не разделить. Однако образ русского крестьянина на страницах книги никак не вселяет надежд на его способность плодотворно распорядиться землей как собственностью. Русский крестьянин - человек неукорененный, "мотылек", "перекати-поле", "вроде бомжа", нигде, куда его забрасывает судьба, ничего стоящего не создает (с. 214). Полагаю, это крайне предвзятое суждение - а как же переселенцы "столыпинского призыва" в Сибири, казачество на Дону и Кубани? Да и в срединной России хозяйства были разные. Автор противопоставляет бесхозяйственности русских целеустремленность татар, и поскольку он ссылается в том числе на личные впечатления от поездок по русским и татарским селам в Татарстане, полемизировать с ним по этому поводу нет смысла. Вместе с тем, трудно не согласиться с Ж.Т. Тощенко, указавшим в предисловии к книге на преувеличение опыта татарского общества в решении проблем собственности (с. 10). Существенный вопрос в другом: откуда же в таком случае взяться "хозяину-работнику" и "народному капитализму" на русской земле? Во что в действительности верит А.Х. Бурганов?

Конечно, любой исследователь имеет право на сомнения и колебания между различными, даже обозначенными им самим позициями. Больше того, имплицитная поливариантность и парадоксальность выводов делают исследование интереснее - поэтому и читаешь его почти на одном дыхании. Но неизменно "спотыкаешься" там, где мысли автора облекаются в слишком упрощенную форму. В частности, это относится к противопоставлению собственника и наемного работника. Первый "щепетилен", причем "до абсурда", "благодушен" и "незлобив", даже если по натуре недобр. Второй проявляет "самые низменные человеческие качества: трусость, жестокость, чванство, подхалимство, лицемерие, беспринципность, недобросовестность" (с. 89, 93). Рецензенту, нанятому на работу бюджетным учреждением, сложно комментировать этот пассаж. Столь же сложно воспринять серьезно слова о "ксенофобской черте русской души", о том, что "Россия опасна как самой себе, так и всему человечеству", противясь "светлому пути развития", на который вышли Соединенные Штаты (с. 248, 254). Я намеренно назвал эти фрагменты словами, а не мыслями и выводами, ибо полагаю, что здесь просто сказались свойственные автору эмоциональность и полемический перефраз, стремление побудить россиян задуматься о

корнях своих исторических и нынешних невзгод. Но хотелось бы, чтобы в его следующих работах было меньше упрощений и больше диалектичности, к которой он сам призывает.

Как это ни парадоксально, книга А.Х. Бурганова может дать встряску и стимул гражданской активности именно тем читателям, которые начинают фатально привыкать к жизни в заданных традициями и властью условиях, хотя кажется, что традиции и власть меняются. И это, пожалуй, главное в ее оценке.

Что касается гимна частной собственности, звучащего со страниц книги, то ведь сам автор корректирует себя, констатируя, что как таковая она не хороша и не плоха. Негативные стороны обладания ею проявляются постольку, поскольку человеком движут корысть, эгоцентризм и зуд власти. Но если человек преодолет в себе эти пороки, останется ли у собственности та функция "спасения" человечества, которой наделяет ее автор?

Ю.И. ИГРИЦКИЙ,

кандидат исторических наук

© 2005 г.